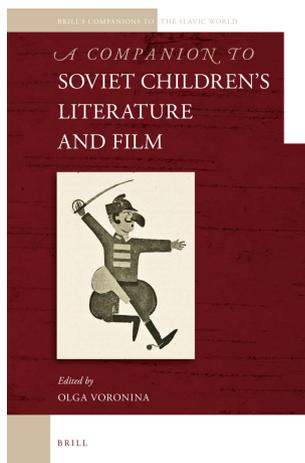


*Анастасия Костецкая*

НОВАЯ КНИГА О СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ  
ЛИТЕРАТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФЕ:  
РЕЦ. НА: A COMPANION TO SOVIET  
CHILDREN'S LITERATURE AND FILM.  
ED. OLGA VORONINA. LEIDEN AND BOSTON:  
BRILL, 2020

В сборник «A Companion to Soviet Children's Literature and Film», вышедший в 2020 г. под редакцией американской славистки Ольги Ворониной, включены работы интернационального коллектива авторов — исследователей детской литературы, в которых основное внимание уделяется анализу целого спектра произведений — от малоизвестных текстов детской прозы до популярных произведений детской литературы и кинематографа, вошедших в так называемый «детский канон». Авторы статей, представленных в сборнике, видят свою задачу в том, чтобы интерпретировать советскую и позднесоветскую реальность в книгах и фильмах с позиции ребенка — адресата и участника процессов социалистического строительства. Эти темы разрабатываются в первой и второй частях книги. В работах третьей части коллективной монографии особое внимание уделяется наследию и переосмыслению традиций авангарда и возникших на его основе экспериментов в детской литературе и кино.



---

*Анастасия Костецкая*  
Гавайский университет в Маноа (США)  
kostetsk@hawaii.edu

В предисловии редактора сборника О. Ворониной («Единственный универсальный национальный текст: к столетию советской детской литературы и кино») автором подробно обсуждается феномен восприятия советского прошлого через литературные и кинематографические произведения. О. Воронина в своей статье задает общий смысловой вектор сборника, необходимый для понимания последующих статей как частей целостного научного проекта. Исследуя историю советских книг и кинофильмов, обращенных к нескольким поколениям советских детей, автор раскрывает механизмы создания образа идеального маленького гражданина в советской культуре, характеризует основные тенденции в современной русской детской литературе, а также представляет обзор вышедшей за последние тридцать лет научно-теоретической литературы, посвященной исследованию составных частей детской культуры. Главной предпосылкой сборника является непреходящая популярность советских детских книг и фильмов, так и не утративших своего важного места в культурном багаже постсоветской эпохи. Теоретической основой для анализа целого ряда статей в сборнике становится концепция трактовки исторического советского опыта как травмы, сформулированная в ряде работ культуролога Александра Эткинды, в которых автор раскрывает механизмы работы культурной памяти, препятствующие коллективному осознанию советского прошлого.

Тем не менее авторы статей предпринимают сознательную попытку вывести свою методологию за рамки традиционно политизированного анализа текстов детской литературы и других произведений искусства, связанных с детством, и рассматривают достоинства и недостатки этого наследия с самых разных позиций — эстетических, этических, философских и т. д. Особенно важным для авторского коллектива сборника становится идея преемственности в детской литературе и культуре детства, которую так непросто осознать в начале XXI в., когда творчество для детей переживает новый подъем, и в литературу и кинематограф приходят молодые авторы, чей личный читательский опыт сформировался именно на «советском наследии» детской литературы, а в собственном творчестве их занимают экзистенциальные проблемы, далеко выходящие за рамки советской истории. Авторы статей, вошедших в сборник, анализируют литературные и визуальные тексты с позиций их экзистенциальной и художественной значимости, пытаются дать объяснение непреходящей популярности детских произведений советского периода, выявляя в них

тот интеллектуальный и эмоциональный опыт, который оказался непреходящим.

Первая часть сборника открывается статьей американской исследовательницы Сары Панкеньер-Вельд «Неестественный отбор: естественная история ранней советской иллюстрированной книги». Автор рассматривает динамику отношений между писателем / иллюстратором и советской цензурой через призму дарвиновской теории эволюции и эффективно применяет метафоры из области биологии к анализу «зарождения», «расцвета», «периода латентного развития», «кажущейся гибели» в сфере детской литературы. Панкеньер Вельд пишет о механизмах сохранения внутрилитературных традиций того, что она сама определяет как «генетический код» литературы. На многочисленных примерах автор показывает, как творческая энергия, перенаправленная в сферу детской литературы, постепенно теряет свою силу и индивидуальность, перестает быть живой и динамичной, порождая произведение в политически корректном стиле соцреализма, теряющее своё творческое начало, но способное выдержать идеологический контроль в условиях тоталитарного советского государства 1920–1930-х гг. Подход к анализу детских иллюстрированных книг в терминах динамичной биологической системы позволяет Панкеньер-Вельд показать, что усилия писателей и иллюстраторов не остались окончательно потерянными для последующих поколений, но, напротив, продолжают оказывать влияние на современных художников и авторов.

Анна Хедберг-Оленина, американская исследовательница, специализирующаяся на истории советского искусства 1920-х — 1930-х гг., в своей статье «Взаимодействие детской психологии и авангардного кинематографа: представления, влияния, применение» рассматривает влияние педологов на ранний советский кинематограф, который, в свою очередь, не только отражал возникновение и развитие новых воззрений на саму природу детства, но и оказывал огромное влияние на детей, что стало самостоятельным предметом серьезного исследования в области психологии и педагогики. А. Хедберг-Оленина пишет о ранних попытках режиссёров-кинематографистов, таких, как Всеволод Пудовкин и Сергей Эйзенштейн, подчинить стилистику своих фильмов открытиям в психологической науке. В качестве иллюстрации этого тезиса автор анализирует документальный фильм Пудовкина «Механика головного мозга или поведение человека» (1926), рассказывающий советским зрителям об открытиях Ивана Павлова в области рефлексологии, и статью Сергея Эйзенштейна

«Как делается пафос?» (1929), в которой режиссёр вступает в полемику с взглядами современной ему психологии на развитие ребенка. Популяризируя и продвигая открытия советской психологии, кинематографисты неизбежно вскрывали противоречия и проблемы внутри самой психологической науки в советской России, утверждает А. Хедберг-Оленина.

В своей статье «Словарь как собрание игрушек: взаимодействие авангардной эстетики и советской детской литературы» Энсли Морс рассматривает лингвистические практики, при помощи которых модернистские авторы и иллюстраторы работали совместно с властью над созданием образа нового человека и нового государства. Главным творческим инструментом становилась революционная лингвопоэтика, построенная на естественной предрасположенности детей к творческому освоению языковых норм. Э. Морс убедительно показывает, как эстетика фантазии, абсурда и неконвенциональной логики не только и не столько вступала в противоречие со стандартами советской детской литературы, но и органически взаимодействовала с ними. Автор представляет глубокий контекстуальный анализ примеров апроприации детского языка и стиля мышления такими авангардными писателями, как В. Хлебников, А. Крученых, Е. Гуро, В. Маяковский и др. Внутренняя связь между детством и языковым экспериментированием позволила идеям и практикам авангарда возродиться в детской литературе в период оттепели 1960-х гг. в творчестве таких поэтов, как И. Холин, О. Григорьев, Г. Сапгир и др.

Исследование Олега Минина «Литературный авангард и советская литература для детей: ОБЭРИУ и ленинградские журналы „Чиж“ и „Еж“» предлагает интересный анализ стратегий политического конформизма, который при этом неожиданно сочетался с творческой свободой обэриутов. Минин подробно комментирует причины трагической судьбы членов этого объединения. Автор рассматривает произведения обэриутов, напечатанные в журналах «Чиж» и «Еж» с момента создания журналов (1928 г. и 1930 г.), и прослеживает их творчество вплоть до первого ареста членов этой группы (Д. Хармса и А. Введенского). Минин анализирует творческий вклад обэриутов в создание новой детской литературы как с художественной, так и с педагогической позиции. Поиски новых форм соединялись в их творчестве с эстетическими и лингвистическими экспериментами; в то же время их новаторство в области языка и художественной формы должно было вписаться в приемлемые для новой власти идеологические рамки. Тем

не менее вынужденное подчинение идеологическим требованиям не вызвало снижения ценности литературной. Вплоть до своего закрытия журналы оставались востребованными и любимыми в среде юных читателей именно благодаря новаторству их авторов — обэриутов.

Марина Балина в своей статье «Пересматривая прошлое для будущих поколений: история как вымысел в советской детской литературе» рассматривает проблему восстановления разрушенных исторических и поколенческих связей на примере относительно автономного жанра исторической беллетристики для детей, предоставляющей читателю-ребенку возможность заглянуть в далекое прошлое. Исследовательница использует в своём анализе модель исторического нарратива, разработанную немецким критиком детской литературы Габриэлой фон Глазенапп, которая предлагает рассматривать историческую прозу как сочетание вымысла (*Historie*) и конкретных исторических фактов (*Geschichte*). Выдуманные герои действуют на фоне конкретной истории, служащей необходимым фоном для развития сюжета, построенного, как правило, по законам приключенческой повести. М. Балина видит в исторической повести советского времени наиболее четкую связь с просветительскими традициями дореволюционной детской литературы. Автор убедительно показывает роль исторического жанра в формировании детского восприятия отечественной и зарубежной истории. Так, например, Балина полагает, что помимо откровенно пропагандистских текстов отечественной истории, именно в исторической прозе для детей присутствовал внутренний «оппозиционный» текст, задача которого заключалась в распространении знания в противовес слепой вере в коммунистические постулаты.

Ольга Воронина в статье «Воспитание души по-большевистски: педагогика в советской детской литературе 1920-х — начала 1930-х годов» анализирует появившиеся в советской детской литературе образы детей, выступающих в роли учителей и просветителей для отсталых и непонимающих тенденции нового времени взрослых. По мнению автора, появление подобных героев отражает важность той просветительско-идеологической миссии, которой наделялись юные советские граждане по отношению к старшему поколению в процессе культурной революции. Исследователь отмечает, что детская литература 1920–1930-х гг. создавала образ ребенка, выполняющего функцию проводника новой идеологии, способного изменить равнодушное или откровенно агрессивное отношение старшего поколения к революции. Анализируя эволюцию концеп-

та «воспитание души» и исследуя топос «непослушания», автор противопоставляет различные модели взаимодействия взрослых и детей в ранней советской и дореволюционной детской литературе и приходит к выводу о неизбежном возвращении модели «тоталитарный родитель — зависимый ребенок» в период перехода советского государства к тоталитаризму.

Светлана Маслинская в статье «„Будь всегда готов!“: героический нарратив в советской детской литературе» обращается к влиятельному в советское время, а сейчас почти забытому, жанру рассказов о пионерах-героях. Автор возводит происхождение этого культурного тропа к дореволюционным и ранним советским «агиографическим» образцам и, таким образом, восполняет пробел в исследованиях подобных нарративов в советской детской литературе 1920–1980-х гг. Рассматривая весь исторический спектр повествований о пионере-герое, автор анализирует стадии формирования образа ребёнка-героя под влиянием политически окрашенного контекста, который в свою очередь влияет на закрепляющиеся за подобными нарративами стилистические модели, повторяющиеся из текста в текст. Возникает некий набор постоянных и неизменных «формул-клише», которые становятся отличительными признаками подобных текстов.

Татьяна Воронина и Полина Барскова исследуют блокадную литературу для детей как контр-нарратив и как, возможно, одно из первых документальных свидетельств советского опыта войны. Их совместная статья «Невысказанная правда: блокадные дети в советской литературе» рассматривает весь спектр детских образов в книгах о блокаде. В статье исследуются разные модели блокадного повествования: от первых текстов, созданных во время войны и полных отрицания и сокрытия трагедии, до более открытых разговоров о голоде и смерти. Анализируя произведения, написанные Ю. Германом, В. Пановой, Л. Пантелеевым, А. Крестинским, Ю. Помозовым и И. Миксоном, авторы приходят к выводу, что, изображая детей невинными жертвами, взывающими к отмщению, блокадная литература эксплуатировала образ ребенка, пережившего блокаду, как обобщённый символ наибольшей уязвимости в жизни взрослого населения, неспособного защитить и оградить младших от страдания. Именно индивидуальный опыт блокады, возникающий на страницах текстов, написанных для детей, возвращал символическому герою-ребёнку его особые черты, превращал обобщённого героя военной поры в страдающего и искренне чувствующего индивидуума.

Работа Марии Хотимски «Детская поэзия и перевод в советский период: стратегии переписывания, трансформации и адаптации» посвящена анализу широкого спектра произведений детской литературы в переводе с английского, немецкого, польского и идиш. Автор показывает, как, невзирая на жесткий идеологический контроль, переводчики сумели сохранить в этих произведениях свойственную оригиналу самобытность и индивидуальность. Хотимски представляет обзор процессов в сфере переводов детской литературы и поэзии в советское время; в своём анализе она уделяет особое внимание авторам и текстам, оказавшим важное влияние на советскую детскую культуру в условиях цензуры и контроля государства над печатным процессом. Анализируя такой феномен, как эзопов язык советской литературы в целом и детской в частности, исследователь показывает, как идеологический контроль, с одной стороны, и стремление переводчика к самовыражению — с другой, определяли лицо детской литературы советского времени и способствовали формированию особого стиля литературного перевода. Хотимски подробно останавливается на анализе роли К. Чуковского и С. Маршака как основателей школы перевода детской литературы в 1920 годы; она исследует различные способы адаптации иностранного текста Д. Хармсом и С. Михалковым; в заключение автор обращается к поэтическим переводам Б. Заходера и Г. Сапгира в эпоху оттепели. Перевод в детской литературе в этот период, по мнению исследовательницы, способствовал формированию оригинальных детских поэтов, таких, как М. Яснов, М. Бородинская, А. Усачёв, прошедших путь от переводчиков до авторов инновационной детской поэзии.

Лора Вилер Мьелснесс в статье «Под гипнозом Диснея: Иван Иванов-Вано и советская детская мультипликация» раскрывает противоречивое влияние диснеевской киноэстетики на создание советских патриотических образов в разгар сталинской борьбы с космополитизмом. Автор статьи дает подробный анализ работ советского режиссера, инновационных как в практическом, так в теоретическом ключе, а также рассуждает о переосмыслении диснеевского наследия в идеологическом и эстетическом контексте советской анимации.

Статья Ларисы Рудовой «Охватывая эксцентричность: „Золушка“ и авангардное воображение» рассматривает культовый советский фильм «Золушка» (1947) как произведение, отражающее театральный и кинематографический эксперимент. Признавая, что, на первый взгляд, фильм может показаться образцовой соореали-

стической музыкальной комедией, автор сосредотачивает внимание на эффекте «двойного остранения». Исследовательница рассматривает роль сказочных мотивов в создании эффекта остранения, которые оказываются скрытыми отсылками к эстетике кинематографического авангарда. Поэтому, как считает Л. Рудова, фильм «Золушка» занимает особое место в истории сталинского кинематографа именно благодаря неприкрытому противоречию эстетике социалистического реализма в период, когда идеологический контроль над интеллектуальной и художественной жизнью страны достиг крайней степени ужесточения. В ходе анализа фильма автор статьи показывает, как текст детской сказки в его визуальном выражении превратился в «руководство по выживанию» и сопротивлению не только для универсальных сказочных злодеев, но и для конкретного политического режима сталинской России конца 1940-х гг.

Статья Анны Фишзон «Девиантное наследие позднего социализма, или Что общего у Чебурашки с Гари Штейнгартом» исследует несоотнесимые с традиционными гендерными нормами особенности внешнего облика и поведения популярных мультипликационных героев — Винни Пуха, Карлсона и Крокодила Гены, внедренных в коллективное советское сознание переводчиками текстов и режиссерами-мультипликаторами. Через эти образы, в которых угадывается типаж мужчины-неудачника, автор исследует историческую травму поколения, скрывающуюся за победным фасадом эпохи развитого социализма. Проводя параллель между инфантильными мультипликационными персонажами и героями литературных воспоминаний, Фишзон анализирует отношения отца и сына в «Маленькой неудаче» Гари Штейнгарта через призму гомосоциальной коммуникативной модели, участниками которой являются инфантильный взрослый и ребенок. Примеры такого взаимодействия в советской мультипликации автор находит в отношениях Винни Пуха и Пятачка, Крокодила Гены и Чебурашки, Малыша и Карлсона. Объединяет литературные воспоминания и образцы мультипликационного жанра, по мнению автора, изображение трансформации героя периода позднего социализма из взрослого мужчины в уязвимого ребенка и маленького неудачника.

Сборник под редакцией Ольги Ворониной является еще одним свидетельством того, что детская литература постепенно занимает важное место в западных исследованиях русской литературы, классической и современной, где до недавнего времени советскую детскую литературу и советский кинематограф для детей рассмат-

ривали только в двух возможных аспектах — либо как чистый эскапизм, либо как политическую агитку. Всё большее число работ, посвящённых этой теме, появляется в среде славистов и специалистов в Германии, Италии, Финляндии, Франции и США, что отражает не только растущий интерес к предмету, но и желание пересмотреть сам подход к процессу становления детской литературы советского периода, когда наряду со ставшим уже традиционным анализом эзопова языка исследователи обращаются к общим эстетическим, этическим и дидактическим проблемам, свойственным детской литературе в целом. Статьи, вошедшие в этот сборник, являются результатом именно такого научного подхода, хотя, разумеется, идеологическая составляющая советской детской литературы не может быть полностью вынесена за скобки.

Однако и авторы сборника, и его редактор ставят перед собой другую, значительно более важную задачу — проанализировать этот непростой массив текстов и фильмов: найти и изучить творческий процесс по созданию новой детской литературы для нового ребёнка — гражданина, не забывая, что и этот новый человек, и эта новая культура создаются синхронно, в одно и то же время.